

УДК 502.4 (09)

АКТУАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ЗАПОВЕДНОГО ДЕЛА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН

© 2013 А.А. Чибилёв¹, Т.В. Краснова²

¹ Институт степи Уральского отделения РАН, г. Оренбург

² Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

Поступила 19.11.2013

В 2012 году исполнилось 100 лет со дня образования Постоянной Природоохранительной комиссии Императорского Русского географического общества. Этому событию были посвящены различные мероприятия и опубликованы материалы, подводящие некоторые итоги развития заповедного дела в нашей стране. Вместе с тем, события и научные дискуссии последних лет показали, что в среде специалистов заповедного дела существуют разные взгляды на эту проблему.

Ключевые слова: заповедное дело, курук, природоохранительная комиссия, ООПТ, туризм, природное наследие.

Заповедное дело с давних времен имело морально-религиозные корни. Его признаки мы находим в истории разных цивилизаций и народов. Однако само слово и понятие «заповедовать», «заповедывать», «заповедать» русского происхождения и не имеет полных аналогов в других языках. В.И. Даль, разъясняя значение глагола «заповедовать», пишет, что оно означает «повелевать, предписывать, приказывать, наказывать к неременному, всегдашнему исполнению; завещать какую обязанность, обязывать к чему закланием; запрещать» [1]. До конца XIX в. слова «заповедка» женского рода, «заповедник» (муж. род) и «заповеднице» (ср. род) означали заповедная роща, лес, где рубка запрещена. Его синонимами были «божелесье», «пуща», «запретник», «засек», «моленный лес», «казакник», «зарощи» и т.д. Видимо, уже в XVIII в. появилось понятие «заказной» или «заповедный» пруд - заказное место для рыбной ловли, охоты. Уже к концу XIX в. слово «заповедник» стало применяться к участкам степи, где запрещается распашка, сенокосение и выпас домашних животных (Пачосский, Фальц-Фейн, Докучаев).

Понятие «заповедных роц» свойственно очень многим народам: финно-угорским, славянским и тюрко-монгольским в Евразии, индейским в Северной Америке. По мнению В.Е. Борейко, «священные (суть заповедные – А.Ч.) рощи всех времен и народов являли собой самый первый пример этического отношения к заповедным природным объектам, пускай еще на примитивном религиозном уровне» [2].

Обращаясь к истории природных резерватов в открытых ландшафтах степной и пустынных зон, необходимо отметить, что практика их создания насчитывает свыше двух тысячелетий и связана с

устойчивыми традициями, существующими у кочевых народов Евразии [3, 4].

В кочевых обществах регулирование земельных отношений имело большое значение, а также свою специфику, обусловленную особым характером использования земель в качестве сезонных пастбищ. Благополучие кочевника во многом зависело от сохранности окружающей среды: самих пастбищ, естественных (и искусственно созданных) водных источников, древесно-кустарниковой растительности речных пойм и т.д., что требовало грамотного решения главного вопроса кочевого природопользования - раздела пастбищных угодий. Данное обстоятельство обусловило появление особой категории земель - заповедной, которая помимо экономического и политического значения играла и экологическую роль.

Степные заповедники в культуре тюрко-монгольских народов обозначались термином *курук* (*сурук, хориг, кориг*) [5, 6, 3]. Институт *курука*, по мнению известного кочевниковеда А.М. Хазанова, был известен всем степным кочевникам, поэтому получил широкое распространение в степях Евразии на протяжении многих веков [3]. Он воплощался в праве стоящих у власти лиц объявлять запретными лучшие участки земли, куда был закрыт доступ посторонним. Однако заповедники создавались не только по указу власть имущих. В странах со сложными природно-климатическими условиями, где легко можно было нарушить природный баланс, существовали традиции «народного заповедования», когда определенные, нередко ключевые в экологическом отношении, участки исключались из хозяйственного оборота на тот или иной срок либо бессрочно [5].

Одними из первых в нашей стране историю *куруков* изучали такие крупные исследователи культуры и истории Востока, как В.В. Бартольд

Чибилёв Александр Александрович, член-корреспондент РАН, oensteppe@mail.ru; Краснова Татьяна Викторовна, кандидат географических наук, nelon2007@yandex.ru

[7], Б.Я. Владимирцов [8], М.Е. Массон [9], А.Л. Троицкая [10]. В трудах этих авторов отмечается многофункциональность института куруков.

Самым известным предназначением заповедников было выделение земель для *царских охот*. М.Е. Массон в статье «О былых охотничьих парках в Средней Азии», касаясь статуса подобных заповедников, пишет, что «ко времени сложения классового общества наряду с промысловой охотой появляется охота как вид спорта господствующей верхушки общества. В письменных источниках отмечают это в весьма развитой форме уже для IV в. до н.э., когда ряд областей Средней Азии входил в состав государства ахеменидской Персии». Далее в том же контексте упоминается и *курук* в значении «охотничий заповедник» [9].

В Китае запретные охотничьи угодья для развлечения высшей знати существовали с древних времен [5]. В Средней Азии, где места обитания промысловых зверей и птиц ограничены горными хребтами, пустынями, охоты происходили в специально приспособленных для этой цели запретных местах – *куруках*, размеры которых не могли быть очень велики, но их в общей сложности было много [11]. В Средней Азии и Казахстане Р. Сатимбеков насчитал более 80 топонимов со словом *курук*. Большинство из них локализуется в предгорьях, долинах рек и близ водных источников. Много *куруков* располагалось в бассейнах рек Заравшан, Сырдарья, Талас, Чу, Или, Ая-гуз, Иртыш [11].

В верхней части долины Таласа, на южном склоне Киргизского хребта в Тянь-Шане, до сих пор уцелели остатки обширного средневекового *курука*. Все его пространство было обнесено высокой земляной стеной, теперь превратившейся в расплывшийся широкий вал. Там содержались главным образом куланы, бывшие до недавнего времени одним из любимых объектов конной охоты кочевников. До наших дней сохранилось название этой местности – Кулан-курук, или Кулан-камалган. Там же происходило и спаривание куланов с домашними лошадьми для получения мулов [9].

Характерные черты заповедных охотничьих территорий правителей Центральной и Средней Азии были обобщены П.К. Симаковым: это право хана и его окружения охотиться на территории *куруков* наряду с запретом нахождения там посторонних лиц; наличие охраны и иногда маркировка границ канавами, посадками камыша и др.; право пересекать эти земли лишь гонцам с важными государственными сообщениями; приравнивание охотничьих *куруков* по их значению к таким хозяйственно или ритуально важным территориям, как лучшие пастбищные угодья и места захоронения лиц ханского происхождения

[5].

Так определяется ещё одна, очень важная функция степных заповедников – резервирование земель для зимних пастбищ. Для кочевого скотоводства фактором огромной значимости была суровая зима, приводившая к потере скота от бескормицы. В связи с этим существовали четкие границы зимних кочевий, которые были закреплены за семейно-родовыми общинами. Но процесс дробления пастбищ на зимовках этим не ограничивался. Самые ценные участки, где скоту было легче добывать корм из-под снега или где снег сдувался ветрами, обнажая растительность, а также защищенные от буранов урочища могли переходить в распоряжение отдельных семей. Эти пастбища имели специальные названия: кой-булюк (овечий особняк), ата-булюк (дедовский участок), но общее наименование обособленных угодий было – *курук* [5]. Куруки строго охранялись от отравы не только чужим, но и своим скотом. Таким образом, владелец был заинтересован в сохранении и экономном использовании природных ресурсов своего курука.

Функция куруков как общественного фонда на случай стихийных бедствий и войн существует и в западно-тюркском каганате Сулука (VIII в.), а также примером является заповедник шаньюя (правителя) хунну Маодуня в горах Иньшань близ китайской границы, который использовался и для военных целей [6].

Многие исследователи акцентируют внимание на *военной функции* постоянно существовавших *куруков*, которая стала более заметной в условиях частых войн в Средней Азии во второй половине XVI в. [5, 6]. Во-первых, подобный заповедник можно рассматривать как военный полигон для отработки маневров, слаженных действий во время загонной охоты. Во-вторых, куруки являлись территориями, специально выделенными для ведения регулярных войн, где собираются войска, происходят смотры, подсчет сил, а, возможно, и сражения. В-третьих, заповедники, учрежденные в местах, обильных лесом, водой, зверем и птицей, предоставляли необходимое укрытие и провиант для войск. Там можно было отдохнуть, привести в порядок вооружение, запастись свежим мясом, откормить лошадей, а также провести тренировку воинов в ходе облавных охот. Обретая стратегическое значение, *куруки* сами становились желанной добычей. Существует описание подготовки к походу внука Чингисхана Хулагу в Иран, когда сначала выслали гонцов для объявления заповедными все луга и пастбища от столицы Монгольской империи Каракорума до берегов Джейхуна (Амударья) на предполагаемом пути монгольских войск [5]. Цель этого мероприятия вполне ясна: сохранить в целостности источники фуража для монгольской

конницы.

Наконец, особое значение термин *курук* приобрел в Монголии. Так обозначали заповедные территории, где располагались некрополи монгольских ханов [5]. Различие между монгольской и тюркской культурами Центральной Азии заключается, в первую очередь, в том, что захоронения монгольских ханов первоначально скрывались в горах и со временем превращались в святилища, где представители ханского рода совершали жертвоприношения своим предкам, тогда как у тюрков могилы каганов не только не укрывались от постороннего взгляда, но и маркировались памятными стелами и скульптурами. В труде Рашид ад-Дина термин *курук* (*гурук*) неоднократно употребляется по отношению к могилам монгольских ханов, но, видимо, никогда он не применялся для обозначения мест погребения тюркских владык. Однако существует версия, согласно которой сама традиция создания *куруков* проистекает из обычая древних тюрков и уйгуров объявлять заповедными участки земли с погребально-поминальными памятниками.

Иногда один и тот же *курук* мог выполнять несколько функций одновременно. В Средней Азии в той или иной степени благоустроенные *куруки* служили местами увеселений знати, в том числе охотой, и местами дислокации войск во время военных кампаний [6].

Таким образом, можно говорить о многофункциональности средневековых заповедников Центральной и Средней Азии. Это охотничьи угодья, пастбища, стратегический резерв природных ресурсов, места сбора войск, ханские некрополи, места увеселений. Более того, заповедники имели экологическое значение, поскольку способствовали сбережению живой природы. Природопользование в них находилось под контролем хана или его доверенных людей, и владелец был заинтересован в сохранении своего курука. Некоторые бывшие заповедники доныне сохраняют богатую флору и фауну, что напрямую связывается с их особым статусом в прошлом. На наш взгляд, опыт в области сбережения окружающей среды человеческих сообществ, проживавших в степи в разные исторические периоды, должен быть использован при разработке современных стратегий охраны степных экосистем.

Истоки заповедного дела в России как и во всем мире своими корнями уходят в глубокую древность. Однако слово «заповедник» появилось в русских словарях лишь в XX в. В качестве «празаповедников» выступали охраняемые участки у народов, которые сохраняли в своей религии те или иные формы язычества (шаманизм и др.). По мнению В.Н. Скалона [12], едва ли не у каждой сибирской народности существовали такие участ-

ки, на которых запрещалась охота, причем неприкосновенность эта соблюдалась очень строго. «Святые места» («ем-тахе») у сосвинских манси сохранялись почти до наших дней [13]; известны заповедные рощи Прибайкалья, расположенные в особо живописных участках по берегам озера (Мельхеев, 1959) [14], и многие другие.

Подобные охраняемые природные участки имелись у народов Кавказа. В частности, в районе Кавказского заповедника, в бассейне р. Белой, у черкесов существовала «священная роща», где не допускалась охота и рубка леса [15]. Первые заповедники Сибири и Дальнего Востока (Саянский, Кроноцкий, Баргузинский и др.) создавались на месте своеобразных запретных для охоты территорий.

Первые сведения об официальной организации частично охраняемых природных территорий в пределах Древней Руси относятся к периоду правления великого князя Всеволода и Владимира Мономаха (конец XI – начало XII вв.). По сведениям Н.И. Кутепова [16], «на запад от Красного двора находилось во время великого князя Всеволода небольшое поселение и значительное пространство леса и открытой местности; это пространство называлось «зверинцем», потому что здесь князь «деяли ловы» на зверей, во множестве водившихся по оврагам и в чаще леса. За зверинцем и Красным двором на юг находилось урочище Соколий Рог, принадлежавшее великим князьям» [16, с.83].

Историю Беловежской пуши – строго охраняемого охотничьего заказника – можно проследить с 1538 года, когда польский король Сигизмунд I издал закон «О сохранении лесов и охоты». Таким образом, через 25 лет Беловежская пуша в Белоруссии и Польше отметит свое 500-летие.

В царствование Алексея Михайловича Романова (1645-1676), к западу от Москвы близ Звенигорода существовала вотчина князей Милославских, т.н. «Кунцевская местность», обильная зверем и дичью. Как пишет Н.И. Кутепов [16, с.38], «эта местность была заповедной стороной и строго охранялась собственно для царских охот».

Многие авторы [17, 18] относили засечные леса (Тульские Засеки), созданные на южной окраине Московского княжества в начале XV в. к особой форме «заповедности».

Царствование Петра I (1696-1725) ознаменовалось реформами и в природоохранной политике. Особую роль сыграли его указы об охране леса. По указу 1701 г. расчистка леса под пашню и покосы разрешалась только в тридцати верстах от берегов реки. Известны указы, предусматривающие смертную казнь за порубку дуба. В 1716-1720 гг. была прекращена рубка корабельных лесов в Поволжье и на Южном Урале. В 1722 г. бы-

ла запрещена самовольная рубка леса от устья Оки вниз по Волге и по всем рекам, впадающим в Волгу [19, 20]. Однако в дальнейшем многие указы Петра I либо были отменены, либо не исполнялись. В качестве охраняемых территорий рассматривались только участки великокняжеских и царских охот, на основе которых были созданы «заказники» для охраны дичи и разведения ценных видов животных (Беловежская пуца, Гатчинская и Царскосельская охоты, Кубанская дача и Караязский лес на Кавказе).

По мнению Д. Вайнера [21], в России «первые проявления современного природоохранного сознания относятся к 50-м годам XIX в., когда происходило оживление в различных сферах общественно-политической жизни» (с.20). Формированию новых взглядов на окружающую природную среду способствовали теории французских эволюционистов, труды Гумбольдта, Лайеля, Марша. Новые устроения особенно ярко проявлялись среди натуралистов и агрономов, связанных с Московским университетом и Московским сельскохозяйственным обществом. Наиболее яркими представителями группы отечественных естествоиспытателей, воспринявшими теорию эволюции, были К.Ф. Рулье – профессор зоологии Московского университета, его ученики А.П. Богданов, С.А. Усов, Н.А. Северцов, а также С.А. Маслов – секретарь Московского сельскохозяйственного общества. В трудах этих ученых впервые появляются идеи модернизации экономики сельского хозяйства с упором на акклиматизацию, создание новых видов при помощи гибридизации и охраны природы.

Именно в это время внимание российской общественности было обращено на сокращение количества дичи и гибель флоры и фауны вообще. В этом отношении были особенно показательны труды Л.П. Сабанеева [22] и Н.Ф. Кашенко [23].

Трудами этих ученых были заложены первые ростки природоохранительного движения в России, набравшего силу в первые десятилетия XX века. Это было новое общественное движение – в защиту памятников природы, во главе которого стояли выдающиеся отечественные ученые академики: ботаник И.П. Бородин, антрополог и географ Д.Н. Анучин, лесовод Г.Ф. Морозов, петербургский зоолог Д.К. Соловьев, заведующий кафедрой зоологии МГУ Г.А. Кожевников, ботаник Харьковского университета В.А.Талиев, географ В.П. Семенов-Тянь-Шанский и его брат энтомолог А.П. Семенов-Тянь-Шанский и другие.

В работах этих ученых впервые активно развивается этико-эстетический подход к охране дикой природы и заповедному делу [21, 24]. А предтечей этого подхода была идея В.В. Докучаева, высказанная им в 1892 г., о необходимости создания специальных заповедных станций [25]. В от-

личие от идеи национальных парков в США, которые создавались для охоты, рыбалки, развлечения и отдыха нации, Докучаев предлагает заповедать участок и предоставить его в «исключительное пользование» коренных видов флоры и фауны. Идея Докучаева была развита учеными-естествоиспытателями, которых мы вправе сегодня назвать *«Могучей кучкой отечественного заповедного дела»*.

Сегодня, по прошествии 100 лет, очень важно вспомнить этих замечательных деятелей Русского географического общества, которые заложили основы заповедного дела, и чьи идеи в начале двадцатого первого века стали еще более актуальными, чем в начале двадцатого.

И.П. Бородин

Главную роль в развитии российского природоохранительного движения сыграл И.П. Бородин (1847-1930) – русский ботаник, академик Петербургской АН, основатель и председатель Русского ботанического общества (с 1915), вице-президент АН. В 1910 г. в докладе «Охрана памятников природы» он писал, что создание заповедных территорий – *«это наш нравственный долг перед родиной, человечеством и наукой. Мы уже поняли необходимость охранять памятники нашей старины; пора нам проникнуться сознанием, что важнейшими из них являются остатки той природы, среди которой когда-то складывалась наша государственная мощь, жили и действовали наши предки. Растерять эти остатки было бы преступлением»* [26, с. 21].

В своем докладе академик Бородин обратил внимание на то, что Императорское Русское географическое общество с его разветвленной сетью отделов во всех, в том числе отдаленных, губерниях располагает уникальной возможностью организовать «центральный природоохранительный комитет с участием в нем представителей различных заинтересованных ведомств».

Именно после этого доклада И.П. Бородин 5 марта 1912 г. Совет Императорского Русского географического общества утвердил Положение о постоянной Природоохранительной Комиссии.

В Положении (пункт 2) было записано: *«Цель комиссии – возбуждать интерес в широких слоях населения и у правительства к вопросам об охране памятников природы России и осуществлять на деле сохранение в неприкосновенности отдельных участков или целых местностей важных в ботанико- и зоогеографическом, геологическом и вообще в физико-географическом отноше-*

ниях, охранение отдельных видов растений, животных и проч.» [27].

К ноябрю 1913 г. в состав Комиссии входило 45 человек, представителей ИРГО, Императорской Академии Наук, Министерства внутренних дел, Народного Просвещения, Главного Управления Землеустройства и Земледелия, Министерства Императорского Двора и Уделов, Горного Департамента, Министерства Торговли и Промышленности, Ведомства Православного Исповедания, Лесного Общества и других научных обществ.

Г.А. Кожевников

Второй ключевой фигурой комиссии был Г.А. Кожевников (1866-1933) – профессор зоологии и директор Зоологического музея МГУ. В 1909 г. в своей статье «О необходимости устройства заповедных участков русской природы» впервые в отечественной научной литературе он заявил о необходимости сохранять отдельные

территории дикой природы в полной неприкосновенности: «Участки, предназначенные для того, чтобы сохранить образцы первобытной природы ... должны быть заповедными в самом строгом смысле слова. /.../ Не надо ничего устранять, ничего добавлять, ничего улучшать. Надо предоставить природу самой себе и наблюдать результаты. Заповедные участки имеют громадное значение, а потому устройство и должно быть делом общественной и частной инициативы, но государство должно здесь идти впереди» [28].

В создании Комиссии и ее работе активное участие принимал Г.Ф. Морозов (1867-1920) – географ и ботаник, создатель учения о лесе как географическом и историческом явлении. Сотрудничая с Комиссией, он внес предложения о взятии под охрану наиболее ценных лесных эталонов в разных регионах России. Был одним из последовательных сторонников географического подхода при организации сети заповедников: «Выделение заповедных участков должно происходить по возможности планомерно с положением в основу ботанико-географического подразделения: заповедные участки должны находиться в каждой ботанико-географической области, представляя в своей совокупности ряд характернейших и наиболее ценных в научном отношении типов растительности» [29].

Одним из самых радикальных сторонников самоценности дикой природы был член Комиссии А.П. Семенов-Тянь-Шанский (1866-1942) – энто-

молог, президент Русского энтомологического общества. Он считал, что «свобода необходима для природы так же, как она необходима для людей». Эту свободу, по его мнению, должны обеспечивать заповедники: «Нетронутая человеком природа дает ему ничем не заменимые эстетические наслаждения, возвышая его душу, на нас лежит и большой нравственный долг перед природой, сыновний долг перед матерью» [30].

А.П. и В.П. Семеновы-Тянь-Шанские

Географ и статистик, основатель и редактор многотомного издания «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» В.П. Семенов-Тянь-Шанский (1870-1942), работая в Природоохранительной Комиссии, обобщил предложения ее членов в октябре 1917 г. в докладе «О типах местностей, в которых необходимо учредить заповедники типа американских национальных парков». К докладу прилагалась карта Северного полушария, на которой были нанесены уже созданные национальные парки США и 46 национальных парков, которые необходимо организовать в России. В размещении этих охраняемых территорий В.П. Семенов-Тянь-Шанский применяет чисто географический принцип. Называя предлагаемые объекты по образцу США национальными парками, ученый, все-таки, имел в виду заповедники.

Настоящим завещанием для последующих поколений деятелей охраны природы XX в. служили слова В.П. Семенова-Тянь-Шанского: «На нашей обязанности лежит сохранить для потомства, где только можно, в полной неприкосновенности, полностью черты лика матери — Земли, дабы оно имело всегда возможность в них вглядываться и поучиться в натуре тому, о чём оно только слышало из книг и без чего поэтому не сможет себе представить вполне реально. Сохранение нетронутым естественного цельного географического ландшафта от далёких предков поможет потомкам легче критически разобраться во всей той сложной искусственной обстановке, в которой им придётся жить и действовать...» [31].

Первый проект развития географической системы заповедников в Российской Империи, подготовленный В.П. Семеновым-Тян-Шанским, сыграл важнейшую роль в разработке аналогичных планов и в формировании федеральных ООПТ СССР и России в XX в. На предложениях В.П. Семенова-Тян-Шанского базировался план создания новых заповедников, подготовленный в 1923 г. Подотделом охраны природы Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР. Эти предложения были использованы В.Н. Макаровым [32] при планировании деятельности республиканского Комитета по заповедникам.

С 1924 по 1997 гг. из 46 национальных парков Российской Империи проекта Постоянной Природоохранительной комиссии ИРГО федеральные ООПТ (заповедники, национальные парки, заказники) на территории России в современных границах были реализованы 14 [33, 34]:

1924 г. – Кавказский заповедник (Краснодарский край, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Адыгея);

1925 г. – заповедник «Галичья гора» (Липецкая область);

1927 г. – Жигулевский заповедник (Самарская область);

1929 г. – Кондо-Сосьвинский заповедник (ликвидирован в 1951 г., частично восстановлен в виде заповедника «Малая Сосьва» и федерального заказника «Верхне-Кондинский»);

1932 г. – заповедник «Бузулукский бор» (ликвидирован в 1948 г.);

1934 г. – Кроноцкий заповедник (Камчатский край);

1939 г. – Саянский заповедник (ликвидирован в 1951 г.);

1943 г. – заповедник «Кунгурская ледяная пещера» (ликвидирован в 1951 г.);

1970 г. – Уссурийский (Супутинский) заповедник (Приморский край);

1990 г. – Валдайский национальный парк (Новгородская область);

1994 г. – Воронинский заповедник (Тамбовская область);

1995 г. – Тунгусский заповедник (Эвенкийский АО);

1996 г. – федеральный заказник «Каменная степь» (Воронежская область);

1997 г. – природный парк «Белуха» (Республика Алтай).

В 1956 г. для разработки плана развития географической системы заповедников страны Комиссией по охране природы АН СССР была сформирована особая группа под руководством Е.М. Лавренко. Результаты ее работы были опубликованы в 1958 г. [35]. Этим проектом было предусмотрено восстановление 12 заповедников, ликвидированных в 1951 г.

Еще одним шагом к реальному планированию сети природно-заповедного фонда страны явился документ Госплана РСФСР от 02.11.1979 г. «Схема рационального размещения государственных заповедников, заказников, спортивных и промысловых охотничьих хозяйств в РСФСР на период до 1990 г. [34].

Следующий этап формирования сети федеральных ООПТ России берет начало с Указа Президента РФ №1155 от 02.10.1992 г. «Об особо охраняемых природных территориях Российской Федерации». Этим Указом было дано поручение Правительству РФ уточнить Проект рациональной системы государственных природных заповедников и национальных парков, предусмотреть расширение площади этих территорий до 3% от общей площади РФ.

Распоряжением Правительства РФ №572-р от 23.04.1994 г. был одобрен Перечень государственных природных заповедников и национальных парков, рекомендуемых для организации в 1994-2005 гг. В этом Перечне были представлены 72 заповедника и 42 национальных парка.

Данный документ утратил свою силу уже в 2001 г., когда Распоряжением Правительства РФ № 725-р от 23.05.2001 г. был одобрен новый перечень федеральных ООПТ: 9 заповедников и 12 национальных парков, намеченных для реализации в 2001-2010 гг.

Хронологии основных событий XX – начала XXI вв. в истории отечественного заповедного дела представляет собой калейдоскоп противоречивых решений. Вот несколько дат, которые означали крутые повороты в этой истории [36]:

1898 г. – создан частный заповедник Аскания-Нова.

1912 г. – создана Постоянная Природоохранительная комиссия Императорского Русского географического общества.

1916 г. – создан первый российский заповедник «Баргузинский».

1917 г. – подготовлен первый проект заповедной сети России, представленный В.П. Семеновым-Тян-Шанским.

1922 г. – докладная Г.А. Кожевникова «О нуждах охраны природ РСФСР» получает поддержку в Народном Комиссариате и Академии наук.

1930 г. – чистка Главнауки, уволены и репрессированы видные деятели охраны природы.

1933 г. – первый Всесоюзный съезд по охране природы СССР призывает «сорвать фетиш неприкосновенности с заповедников, заселить всю страну полезной фауной и вредную изжить».

1930 - 1940 гг. – учреждено 42 новых заповедника.

1951 г. – закрыто 88 заповедников, сокращена территория 20. Площадь заповедников сократилась более чем в 11 раз.

1960 г. – общее количество заповедников достигло 85; принят закон «Об охране природы РСФСР».

1961 г. – закрыто 16 лесных заповедников, на территории которых начинаются лесозаготовки; площадь заповедников сократилась в 2 раза.

1962 г. – принято Положение о государственных заповедниках – восстановлен их статус как научно-исследовательских учреждений.

1980-е гг. – число заповедников в СССР достигло 200; создаются первые национальные парки.

1988 г. – создается Министерство охраны окружающей среды СССР, а затем и РСФСР.

2000 г. – упразднено федеральное ведомство – Государственный комитет по охране окружающей среды, в непосредственном подчинении которому находились заповедники.

2012 г. – воссоздана Постоянная Природоохранительная комиссия РГО.

В наши дни, на первый взгляд, единая сеть федеральных ООПТ динамично и успешно развивается. С 1992 года в России создано 28 новых заповедников, 28 национальных парков, 9 федеральных заказников, расширена территория 24 заповедников и одного национального парка. По данным Минприроды РФ общая площадь федеральных ООПТ выросла более чем на 80%. Однако следует обратить внимание на качество этих изменений. Призывы ответственных чиновников Минприроды РФ активно развивать туризм на заповедных территориях, повсеместно интегрировать их в социально-экономическое развитие регионов представляют серьезную угрозу заповедникам как островам выживания дикой природы. Многочисленные данные о существующем и планируемом рекреационно-туристическом и хозяйственном освоении заповедных зон федеральных ООПТ, поступающие в Русское географическое общество, заставляют вновь и вновь обратиться к истокам российского заповедного дела, трудам основателей Постоянной Природоохранительной комиссии. Данной публикацией мы хотели бы привлечь внимание современных практиков заповедного дела к трудам наших классиков, завещавших нам сохранить лучшие образцы природного наследия.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 13-05-00390 «Природно-заповедный комплекс России: история формирования, проблемы современного развития и перспективы интеграции в экономику страны».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Современное написание. Т. 1. А-З / В.И. Даль. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2001. С. 1002.
2. Борейко В.Е. Этика и менеджмент заповедного дела. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2005. 328 с.
3. Хазанов А.М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002. С. 54.
4. Краснова Т.В. Степные заповедники в исторической ретроспективе // Степи Северной Евразии. Т. II. Заповедное дело: проблемы охраны и экологической реставрации степных экосистем: материалы междунар. научно-практ. конф., посвящ. 20-летию организации гос. природ. заповедника «Оренбургский», проходящей в рамках V Междунар. симпози. / под науч. ред. А.А. Чибилёва. – Оренбург: ИПК «Газпромнефть» ООО «Оренбурггазпромсервис», 2009.
5. Дробышев Ю.И. К типологии средневековых заповедников Центральной и Средней Азии // Тюркологический сб. 2005. С. 31-47.
6. Дмитриев С.В. Среднеазиатские куруки в эпоху Шибанидов (по материалам XVI в.) // Тюркологический сб. 2006. С. 143-158.
7. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т.1. М., 1963.
8. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
9. Массон М.Е. О былых охотничьих парках в Средней Азии // Тр. АН Таджикской АССР. Т. XVII. Сталинабад, 1953.
10. Троицкая А.Л. «Заповедники» - курук кокандского хана Худояра // Сб. Гос. публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1955. Вып. 111.
11. Сатимбеков Р. Древние заповедники Средней Азии и Казахстана // Изв. Всесоюз. геогр. общ. 1981. Т. 113, вып. 3. С. 246.
12. Скалон В.Н. Охраняйте природу. Иркутск, 1957.
13. Раевский В.В. Жизнь кондо-сосвинского соболя. М., 1947.
14. Мельхеев М.Н. Охрана заповедных рощ Прибайкалья // Охрана природы Сибири. Иркутск, 1959.
15. Шапошников Х.Г. Кавказский государственный заповедник // Охрана природы, № 1. 1929.
16. Кутепов Н.И. Великокняжеская и царская охота на Руси. СПб. Т. 1 – 1896, Т. 2 – 1898.
17. Дороватовский Н.С. Охрана природы нашей Родины // Об охране природы. М., 1962.
18. Благосклонов К.Н., Иноземцев А.А., Тихомиров В.Н. Охрана природы. М., 1967.
19. Чепранова Н.А. Охрана природы в эпоху Петра Первого // Охрана природы и заповедное дело в СССР. Вып. 6, 1960.
20. Pryde Philip R. Conservation in the Soviet Union. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
21. Вайнер (Уинер) Д.Р. Экология в Советской России: пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. 400 с.
22. Сабанеев Л.П. Указатель книг и статей охотничьего содержания. М., 1883.
23. Кащенко Н.Ф. Развитие Человеческого господства над организованной природой // Естествознание и география. 1898, № 1.
24. Чибилёв А.А. Введение в геоэкологию: (эколого-географические аспекты природопользования). Екатеринбург: УрО РАН, 1998. 124 с.
25. Докучаев В.В. Наши степи прежде и теперь. СПб., 1892. 124 с.
26. Бородин И.П. Охрана памятников природы. СПб., 1914. С. 21.
27. Архив РГО. Ф. 1-1872. Оп. 1. Д. 29. Л. 54

28. *Кожевников Г.А.* О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы // Труды Всероссийского юбилейного акклиматизационного съезда 1908 года в Москве. В. 1. М., 1909.
29. Дневник XII съезда естествоиспытателей и врачей в Москве, 1911. М. № 1-3. С. 146.
30. *Семенов-Тянь-Шанский А.П.* Мысли об этике и эстетике в природе // Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле / Сост. В.Е. Борейко. Изд. 2-е доп. Киев: КЭКЦ, 1990. С. 196.
31. Архив РГО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 137.
32. *Макаров В.Н.* Государственные заповедники РСФСР и перспективы их развития // Труды Всесоюзного съезда по охране природы. М., 1935.
33. *Реймерс Н.Ф., Штильмарк Ф.Р.* Особо охраняемые природные территории. М.: Мысль, 1978. 295 с.
34. *Степаницкий В.Б.* Перспективные планы развития системы ФООПТ России: взгляд в историю // Особо охраняемые природные территории России. Современное состояние и перспективы развития. М., 2009. С. 185-196.
35. *Лавренко Е.М., Генгнер В.Г., Кириков С.В., Формозов А.Н.* Перспективный план географической системы заповедников СССР (проект) // Охрана природы и заповедное дело в СССР. № 3. М., 1958.
36. *Чибилёв А.А.* Столетие природоохранительной комиссии Русского географического общества (1912-2012) и пути ее воссоздания // Самарская Лука: Проблемы региональной экологии. 2013. № 2. С. 215-221.

ACTUAL PAGES OF WILDLIFE PROTECTION HISTORY WITHIN TERRITORY OF RUSSIA AND ALLIED STATES

© 2013 A.A. Chibilyov¹, T.V. Krasnova²

¹Institute of Steppe of Ural Branch of Russian academy of Science

²Orenburg state pedagogical university

It was the 100 th anniversary of the Constant Commission for Environmental Management of the Imperial Russian Geographical Society in 2012. Various actions were devoted to this event, there were published some information, resuming development of nature reserve in our country. Besides, events and scientific discussion of last years have shown that nature reserve specialists had different point of view to this problem.

Key words: wildlife protection, mound (kuruk), Commission for Environmental Management, strictly reserved natural territories, tourism, natural inheritance.